

УДК 343.2

СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, КОТОРЫЕ ЗАКЛЮЧАЮТСЯ В ПРИНЯТИИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ОБЕЩАНИЯ ИЛИ ПОЛУЧЕНИИ НЕПРАВОМЕРНОЙ ВЫГОДЫ

Максим ЖЕЛИК,

аспирант кафедры уголовного права и процесса
Учебно-научного института права и психологии
Национального университета «Львовская политехника»

Summary

The research paper studies the issue of criminal liability for accepting proposal, promise or receipt of illegal. Article is devoted research of the form of fault of the crimes provided by articles 354 (p. 3, 4), 368, 368-3 (p. 3, 4), 368-4 (p. 3, 4), 369-2 (p. 2, 3) of the Criminal Code of the Ukraine. The review of modern problems of structuration of the subjective party of this crimes is carried out. Attention applies on organic connection of subjective side of crime with other elements of corpus delict. Determined that the subjective side is characterized only by direct intent. Author analyzes the content of the intellectual and volitional aspects of the guilt, with which these crimes committed, and also investigates the motive and purpose of their commission. The optional signs of the subjective side of corpus delicti, provided by articles 354 (p. 3, 4), 368, 368-3 (p. 3, 4), 368-4 (p. 3, 4), 369-2 (p. 2, 3) of the Criminal Code of the Ukraine, are analyzed.

Key words: illegal benefit, cash, subjective side, direct intent, self-interested motive.

Аннотация

Исследуются вопросы уголовной ответственности за принятие предложения, обещания или получение неправомерной выгоды. Статья посвящена исследованию формы вины преступлений, предусмотренных статьями 354 (ч. 3, 4), 368, 368-3 (ч. 3, 4), 368-4 (ч. 3, 4), 369-2 (ч. 2, 3) Уголовного кодекса Украины. Осуществлен обзор современных проблем структурирования субъективной стороны этих преступлений. Обращается внимание на органическую связь субъективной стороны преступления с другими элементами состава преступления. Определено, что субъективная сторона характеризуется только прямым умыслом. Проанализировано содержание интеллектуального и волевого моментов умысла, с которым совершаются указанные преступления, а также исследованы мотив и цель их совершения. Анализируются факультативные признаки субъективной стороны составов преступлений, предусмотренных статьями 354 (ч. 3, 4), 368, 368-3 (ч. 3, 4), 368-4 (ч. 3, 4), 369-2 (ч. 2, 3) Уголовного кодекса Украины.

Ключевые слова: неправомерная выгода, денежные средства, субъективная сторона, прямой умысел, корыстный мотив.

Постановка проблемы. Установление субъективной стороны состава преступления по ряду признаков имеет важное значение для квалификации преступления и назначения наказания, поскольку дает возможность оценить как преступника, так и степень тяжести преступления, а также отграничить преступное поведение от невинно причиненного вреда [1, с. 81]. «Особенность субъективной стороны преступления заключается в том, что она не только предшествует совершению преступления, формируясь в виде определенного отношения, мотива, плана преступного посягательства, но и «сопровождает» его внешнюю сторону от начала до конца преступных деяний, представляя собой своеобразный самоконтроль над поведением» [2, с. 143]. Относительная самостоятельность субъективной стороны заключается в том, что она порождает, регулирует и направляет объективную сторону преступления [3, с. 12–13].

Состояние исследования. В теории уголовного права особенности субъективной стороны составов преступлений, которые заключаются в принятии предложения, обещания или получении неправомерной выгоды, не анализировались в комплексе с учетом всех статей. Вместе с тем отдельно исследовались вопросы субъективной стороны составов преступлений в сфере профессиональной деятельности, связанной с предоставлением публичных услуг [4], злоупотреблением влиянием [5], подкупом работника предприятия, учреждения или организации [6]. В то же время считать исследование этой проблематики исчерпывающим невозможно, поскольку в контексте реформирования уголовного законодательства возникают вопросы, требующие научного осмысления и анализа.

Цель статьи. Таким образом, основной задачей этой статьи является анализ субъективной стороны составов преступлений, которые заключаются в

принятии предложения, обещания или получении неправомерной выгоды.

Изложение основных положений. Субъективную сторону преступления составляют вина, мотив, цель преступления, а также эмоциональное состояние лица в момент его совершения [7, с. 154]. Вина является основным признаком субъективной стороны состава преступления и характеризуется психическим отношением лица к совершенному действию или бездействию, а также его последствиям, выраженное в форме умысла или неосторожности (ст. 23 УК Украины). Она может быть непосредственно указана в уголовно-правовой норме, устанавливаться благодаря изложению диспозиции статьи в тексте УК Украины или быть следствием анализа определенных признаков состава преступления. В УК Украины указывается на две формы вины: умысел (ст. 24) и неосторожность (ст. 25), которые на законодательном уровне разделены на отдельные ее виды (умысел может быть прямым и косвенным; не-

сторожность заключается в преступной самонадеянности и преступной небрежности).

Следует отметить, что в диспозициях статей, регламентирующих уголовную ответственность за принятие предложения, обещания или получение неправомерной выгоды, законодатель не указывает на форму вины, что заставляет обращаться к толкованию их содержания (ч. 3, 4 ст. 354, ст. 368, ч. 3, 4 ст. 368-3, ч. 3, 4 ст. 368-4, ч. 2, 3 ст. 369-2 УК Украины), а также применяемой в них терминологии. Однако в Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 предусмотрено, что каждое государство-участник принимает законодательные и иные меры, которые могут потребоваться для признания уголовно наказуемыми деяний, которые заключаются в вымогательстве или принятии публичным должностным лицом, любым лицом, которое руководит работой организации частного сектора или работает на любой должности, в такой организации, лично или через посредников, какого-либо неправомерного преимущества, если они совершены умышленно (п. «б» ст. 15, п. «в» ст. 21). Однако в вышеприведенной Конвенции ничего не говорится о форме вины преступлений, которые заключаются в принятии предложения или обещании неправомерной выгоды. В свою очередь, указывается, что обещание, предложение или предоставление неправомерного преимущества признаются уголовно-наказуемыми деяниями, при условии, если совершены умышленно (п. «а» ст. 15, п. «а» ст. 21) [8]. Зато в Уголовной конвенции о борьбе с коррупцией от 27 января 1999 г. предусмотрено, что уголовно-наказуемым является умышленное совершение вымогательства или получения любыми должностными лицами, лицами, занимающими руководящие должности в частных предприятиях или работающих на них в любом качестве, неправомерного преимущества или принятие предложения или обещания предоставления соответствующего преимущества (ст. 3, 8).

Из анализа признаков объективной стороны исследуемых составов преступлений следует, что их можно совершить только с прямым умыслом:

1) эти преступления описаны как имеющие формальный (получение не-

правомерной выгоды) и усеченный склад (принятие предложения или обещания получить неправомерную выгоду, а также просьбу предоставить такую выгоду или предложение или обещание оказать влияние за предоставление неправомерной выгоды). Как в первом, так и втором случае форма вины определяется психическим отношением только к общественно-опасному деянию, поскольку в преступлениях с формальным составом преступные последствия «упущены», то есть не предусмотрены в диспозиции статьи, зато в преступлениях с усеченным составом уже начало выполнения деяния признается окончательным преступлением;

2) в диспозициях статей, предусматривающих уголовную ответственность за принятие предложения, обещания или получение неправомерной выгоды, присутствует корыстный мотив, поскольку совершение или не совершение каких-либо действий специальным субъектом (должностным лицом, лицом, являющимся работником предприятия, учреждения или организации, лицом, осуществляющим профессиональную деятельность, связанную с предоставлением публичных услуг) связано с неправомерной выгодой, а, как известно, корыстный мотив имеет место только в умышленных преступлениях [9, с. 357–358].

Однако для того, чтобы дать окончательный ответ, совершаются ли исследуемые преступления только с умышленной формой вины в виде прямого умысла, нужно проанализировать содержание интеллектуального и волевого критериев умысла. В свою очередь, интеллектуальный момент умысла совершения рассматриваемых преступлений характеризуется тем, что виновный, зная объем и особенности своей компетенции как совокупности прав и обязанностей, осознает, что принимает предложение, обещание или получает неправомерную выгоду без законных на то оснований, а также то, что его действия являются уголовно-наказуемыми (придумывает различные способы получения неправомерной выгоды, привлекает для этого третьих лиц как «подстраховку», заранее обдумывает оправдание в случае ее задержания и т.п.). Кроме того, преступник понимает, что использует свои

полномочия, авторитет или положение для совершения действий в интересах третьего лица, которое предложило или пообещало ему предоставить неправомерную выгоду или предоставило ее (например, содействие в решении вопроса о продлении срока инвалидности; быстрое оформление таможенных документов и снижение стоимости растаможки товара, изготовление справки о несудимости в сжатые сроки и т.п.). То есть у него есть четкое представление о совершаемом им деянии, а также о том, что оно противоречит положениям действующего законодательства и является уголовно-наказуемым.

В соответствии со ст. 24 УК Украины волевой момент умысла характеризуется желанием лица наступления общественно опасных последствий своего деяния (прямой умысел) или хотя и неохотой, но сознательным допущением их наступления (косвенный умысел). Преступления, которые заключаются в принятии предложения, обещания или получении неправомерной выгоды, описаны как имеющие формальный или усеченный состав. Поэтому волевой признак умысла ограничивается желанием совершения конкретного действия или бездействия [10, с. 358]. Иными словами, волевой момент умысла определяется желанием специального субъекта преступления получить неправомерную выгоду даже при отсутствии законных на то оснований. Для того, чтобы получить неправомерную выгоду, виновный уверяет лицо, которое ее предоставляет, что «решит» вопросы и сделает все действия в ее интересах.

В уголовно-правовой литературе по этому поводу отмечено, что совершение деяния является не чем иным, как причинением определенных последствий. Умысел – форма психического отношения не к собственно деянию, а к его социальной сущности, то есть к его последствиям [11 с. 27–28]. В частности, А.А. Пинаев является последовательным сторонником позиции важности и необходимости установления психического отношения лица к последствиям преступного деяния в любом составе преступления, в том числе и в формальном усеченном. Этот ученый обосновывает свою позицию тем, что в формальных и усеченных составах преступлений за их пределы выво-

дятся не последствия посягательства, а только их размеры, поскольку лицо, совершая соответствующее преступление, не только осознает общественно опасный характер своего действия или бездействия, но и предусматривает его общественно опасные последствия, желая их наступления [12, с. 147]. Такая позиция не лишена рационального зерна, поскольку, как известно, беспоследственных преступлений не бывает, поскольку любыми преступными действиями всегда причиняется существенный вред. Поэтому психически здоровый человек должен осознавать, что причиняет вред в результате своих действий. Так, например, должностное лицо осознает, что, получая неправомерную выгоду и совершая соответствующие действия (бездействие), наносит ущерб интересам отдельных граждан и общества в целом, создает у них представление о возможности достижения желаемого результата путем подкупа, однако при этом не обращает на это внимания, поскольку стремится незаконно обогатиться (например, должностное лицо освобождает преступника от уголовной ответственности, и он, зная о своей безнаказанности, будет совершать новые преступления).

В практической деятельности известны случаи, когда у специального субъекта не было умысла на принятие предложения, обещания или получение неправомерной выгоды, однако он был спровоцирован с участием заявителя сотрудниками правоохранительных органов, совершивших искусственное воздействие с целью побудить его совершить соответствующее преступление. Европейский Суд по правам человека для отграничения провокации преступления от предусмотренных законом методов расследования отмечает, что нужно обращать внимание на то, было бы совершенное преступление без соответствующей провокации, подвергался ли обвиняемый воздействию с целью совершения преступления. Кроме того, следует выяснить, с какого момента органы власти начали проведение оперативно-розыскных мероприятий, ограничивалось ли проведение мероприятий наблюдением, или совершение преступного деяния было спровоцировано и указывает, что проявление инициативы в отношении обвиняемого, налажка с ним связей, не яв-

ляется пассивным поведением правоохранительных органов при раскрытии преступления (пункт 58 Решения Европейского Суда по правам человека от 5 февраля 2008 по делу «Раманаускас против Литвы») [13].

Кроме того, в соответствии с требованиями Европейского Суда по правам человека правоохранительные органы должны иметь конкретные и объективные свидетельства, подтверждающие факт совершения обвиняемым конкретных шагов на совершение деяния, за которое он в дальнейшем преследуется. Любая информация, касающаяся существующего намерения совершить преступление или совершенного преступления, должна быть такой, которая может быть проверенной (параграфы 38-42 решения по делу Банникова против России [14]).

В.И. Кучер утверждает, что объективная сторона состава преступления не отделена барьером от субъективной, что разделение преступного деяния на внешнюю и внутреннюю стороны – условно, поскольку в действительности содержание объективной стороны выражает ее субъективную сторону [15, с. 76]. Такая позиция является справедливой, поскольку учет только объективного критерия (факта принятия предложения, обещания или получения неправомерной выгоды) является недостаточным, поскольку умыслом виновного должно охватываться желание получить неправомерную выгоду, без наличия которого в действиях лица не будет состава преступления (например, учитель ошибочно считает, что получает средства от ученика на покупку для него новой парты, тогда как имеет место его подкуп за содействие в успешной сдаче экзамена). По этому поводу также следует привести пример из судебной практики. Так, приговором Деснянского районного суда Чернигова от 10 марта 2015 лицо было признано невиновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 354 УК Украины по следующим основаниям. Так, врач-онколог А. органом досудебного расследования обвинялся в том, что получил от М. неправомерную выгоду в виде денежных средств в сумме 4000 грн. за проведенную им хирургическую операцию ее отцу П. и выдаче им выписки-эпикриза из истории болезни по проведенному лечению П.

Однако, будучи допрошен в судебном заседании, обвиняемый свою вину в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 354 УК Украины, не признал и заверил, что при общении с дочерью больного никаких разговоров о деньгах за проведенное лечение у них не было. Кроме того, он сообщил, что 19 сентября 2014 к нему обратилась М. При общении он обратил внимание на то, что она вела себя несколько странно и неадекватно, поскольку голос ее дрожал, в разговоре она повторяла, что пришла решить вопрос, который остался незакрытым. После этого он увидел у нее в руке пачку денег, которыми она демонстративно размахивала и протягивала ему. В ответ на это он сказал: «Нет-нет, это ваше пожелание, я с вас ничего не требую». Он понял, что все виды медицинских услуг ее отцу им были предоставлены в полном объеме, а М. его подставляет, давая ему деньги, непонятно за что. Осознавая, что эти деньги могут быть замечены, а при определенных действиях М. краска на денежных купюрах может попасть на него или его одежду, вследствие чего ему потом будет трудно доказывать правоохранительным органам свою невиновность, он показал ей жестом руки положить деньги на стол. Это он сделал для того, чтобы она не размахивала перед ним денежными купюрами и не измазала его нанесенной на них краской. При этом он понимал, что если М. положит деньги на стол, то у него будет возможность не брать эти деньги, а обдумать ситуацию и принять правильное решение. После того как М. ушла, он, не пересчитывая, завернул деньги в бумагу, чтобы они не рассыпались, и выбросил их в корзину для мусора, после чего хотел посоветоваться с отцом, который работал в милиции, и обратиться с заявлением в правоохранительные органы о даче М. ему неправомерной выгоды. Однако когда он вышел из своего служебного кабинета, то был задержан работниками полиции [16].

Указанный приговор суда можно толковать двояко. В частности, с одной стороны, обвиняемый является справедливо оправдан, поскольку, как следует из его показаний, он не просил и не требовал неправомерной выгоды от М., а, наоборот, отказывался от нее и выбросил в мусорное ведро. Однако,

с другой стороны, не исключено, что врач-онколог мог в дальнейшем присвоить денежные средства, поскольку он выбросил их в мусорное ведро, а не через окно, не позвал других лиц в качестве свидетелей. Возможно, обвиняемый и просил предоставить ему неправомерную выгоду, однако во время ее передачи М. выдала себя своим поведением (волновалась, голос дрожал), и он понял, что нужно отказаться от первоначального замысла и обезопасить себя от попадания на него и одежду каких-либо следов, которые могли бы в дальнейшем быть использованы для его обвинения в совершении соответствующего преступления.

Однако такое решение суда базируется на нормах действующего законодательства, согласно которому обвинение не может основываться на предположениях. Все сомнения относительно доказанности вины лица истолковываются в его пользу (ст. 62 Конституции). Обвинительный приговор может приниматься только при условии доказательства в ходе судебного разбирательства виновности лица в совершении уголовного преступления, а в случае если это не доказано, то принимается оправдательный приговор (373 УПК Украины).

Мотив и цель, в отличие от вины, для одних составов преступления являются обязательными, для других – факультативными признаками [17 с. 225]. Что касается эмоционального состояния как признака субъективной стороны, то большинство эмоций находится за ее пределами именно потому, что совсем не влияют на формирование его признаков, или влияние их настолько мало, что не играет роли при формировании в сознании лица мотива совершения преступления; однако некоторым из них закон придает значение признака субъективной стороны (например, убийство, совершенное в состоянии сильного душевного волнения) [18, с. 142]. Исходя из вышеприведенного, эмоциональное состояние при совершении преступлений, которые заключаются в принятии предложения, обещания или получении неправомерной выгоды, находится за пределами субъективной стороны исследуемых составов преступлений.

Следует отметить, что в диспозициях статей, предусматривающих

уголовную ответственность за принятие предложения, обещания или получение неправомерной выгоды, хотя и не указывается на мотивы совершения преступления, однако анализ их содержания позволяет утверждать, что соответствующие посягательства имеют корыстный характер, поскольку должностное лицо, работник предприятия, учреждения или организации осуществляет профессиональную деятельность, связанную с предоставлением публичных услуг, и другие совершают или не совершают определенные действия в интересах определенного лица в связи с получением от него неправомерной выгоды. То есть, другими словами, если бы специальный субъект не получил такой выгоды, то он не совершал бы никаких действий в интересах другого лица (хотя это не всегда так, поскольку, например, врач в любом случае обязан осмотреть больного и при необходимости оказать медицинскую помощь, однако не исключено, что такие профессиональные обязанности могут быть ненадлежащим образом исполнены из-за того, что больной не предоставил неправомерной выгоды). Однако, в любом случае, стимулом для дальнейших действий субъекта является стремление незаконно обогатиться, то есть корыстный мотив.

Выводы. Подытоживая исследование субъективной стороны составов преступлений, которые заключаются в принятии предложения, обещания или получении неправомерной выгоды, следует отметить следующее: субъективная сторона рассматриваемых посягательств (ч. 3, 4 ст. 354, ст. 368, ч. 3, 4 ст. 368-3, ч. 3, 4 ст. 368-4, ч. 2, 3 ст. 369-2 УК Украины) характеризуется прямым умыслом (виновный осознает, что он принимает предложение, обещание или получает неправомерную выгоду без законных на то оснований, а также то, что его действия являются уголовно-наказуемыми) и корыстным мотивом.

Список использованной литературы:

1. Кримінальне право України. Загальна та Особлива частини : [навч. посібник] / [В.М. Стратонов, О.С. Сотула] ; за заг. ред. В.М. Стратонова. – К. : Істина, 2007. – 400 с.

2. Радутний О.Е. Кримінальна відповідальність за незаконне збирання, використання та розголошення відомостей, що становлять комерційну таємницю (аналіз складів злочинів) : дис... канд. юрид. наук : 12.00.08 – кримінальне право та кримінологія; кримінально-виконавче право / О.Е. Радутний. – Харків, 2002. – 204 с.

3. Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления / В.Н. Кудрявцев. – М. : Госюриздат, 1960. – 244 с.

4. Рябенко М.В. Кримінально-правова охорона професійної діяльності, пов'язаної з наданням професійних послуг : дис... канд. юрид. наук : 12.00.08 – кримінальне право та кримінологія; кримінально-виконавче право / М.В. Рябенко. – Київ, 2016 р. – 267 с.

5. Кочерова Н.О. Зловживання впливом: соціальна обумовленість криміналізації та характеристика складу злочину : дис... канд. юрид. наук : 12.00.08 – кримінальне право та кримінологія; кримінально-виконавче право / Н.О. Кочерова. Держ. НДІ М-ва внутр. справ України. – К., 2013. – 200 с.

6. Кашкаров О.О. Кримінально-правова характеристика одержання незаконної винагороди працівником державного підприємства, установи чи організації : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 – кримінальне право та кримінологія; кримінально-виконавче право / О.О. Кашкаров ; МВС України, Харк нац. ун-т внутр. справ. – Х., 2012. – 17 с.

7. Кримінальне право України: Загальна частина : [підручник] / [Ю.В. Баулін, В.І. Борисов, В.І. Тютюгін та ін.] ; за ред. В.В. Сташиса, В.Я. Тація. – 4-е вид., перероб. і доп. – Х. : Право, 2010. – 456 с.

8. Конвенція Організації Об'єднаних націй проти корупції від 31 жовтня 2003 р. Ратифікація від 18.10.2006, підстава 251-16. [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/995_c16/page.

9. Навроцький В.О. Основи кримінально-правової кваліфікації / В.О. Навроцький. – К. : Юрінком Інтер. – 2006. – 704 с.

10. Соловйова А.М. Суб'єкт злочину та суб'єктивна сторона складу злочину примушування до виконання чи невиконання цивільно-правових зобов'язань / А.М. Соловйова // Дер-

жава і право: 36. наук. праць. Юридичні і політичні науки. Вип. 17. – К. : Ін-т держави і права НАН України, 2002. – 548 с.

11. Никифоров Б.С. Об умысле по действующему уголовному законодательству / Б.С. Никифоров // Советское государство и право. – 1965. – № 6. – С. 26–36.

12. Пинаев А.А. Уголовное право Украины. Общая часть / А.А. Пинаев – Х. : Харьков юридический, 2005. – 664 с.

13. Справа «Раманаускас проти Литви» Рішення від 5 лютого 2008 р. [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.viaduk.net/clients/vs.nsf/81b1cba59140111fc2256bf7004f9cd3/c48a563ee2b08a54c225758600379986?OpenDocument>.

14. Банникова (Bannikova) против Российской Федерации (Жалоба № 18757/06). Постановление суда. Страсбург. 4 ноября 2010 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступу : <http://minjust.ru/ru/press/news/bannikova-bannikova-protiv-rossiyskoy-federacii-zhaloba-no-1875706>.

15. Кучер В.І. Кримінально-правові проблеми вчинення злочинів способом особливо жорстокого поводження : монографія / В.І. Кучер. – К. : Азимут–Україна, 2004. – 120 с.

16. Вирок Деснянського районного суду м. Чернігова від 10 березня 2015 р. Справа № 750/13057/14 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.reyestr.court.gov.ua/Review/43015943>.

17. Коржанський М.Й. Кримінальне право і законодавство України. Загальна частина: курс лекцій / М.Й. Коржанський. – К. : Атіка, 2001. – 432 с.

18. Кримінальне право України: Загальна частина. / М.І. Бажанов, Ю.В. Баулін, В.І. Борисов та інші. – Київ – Харків : Юрінком-Інтер – Право, 2002. – 416 с.

УДК 343.3/.7:502.7(477)

РОДОВОЙ ОБЪЕКТ ЗАГРЯЗНЕНИЯ ИЛИ ПОРЧИ ЗЕМЕЛЬ

Николай ИЩЕНКО,

аспирант кафедры уголовного права № 1

Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

Summary

The article analyzes the generic object of a crime under Art. 239 of the Criminal Code of Ukraine. Understanding the generic object of crime is important for the correct qualification of crimes and in formulating the titles of the corresponding section of the Special Part of the Criminal Code of Ukraine. It is proved that a generic object of contamination or damage of lands are social relations in the field of the environment. Environment except the natural Environmental contains man-made material components, processes and phenomena.

Key words: generic object of a crime, crimes against the environment, land contamination, damage of lands.

Аннотация

В статье анализируются родовый объект состава преступления, предусмотренного ст. 239 Уголовного кодекса Украины. Понимание родового объекта преступления важно для правильной квалификации преступлений и при формулировании названия соответствующего раздела Особенной части Уголовного кодекса Украины. Доказывается, что родовым объектом загрязнения или порчи земель являются общественные отношения в сфере окружающей среды. Окружающая среда, кроме окружающей природной среды, содержит искусственно созданные человеком материальные компоненты, явления и процессы.

Ключевые слова: родовый объект состава преступления, преступления против окружающей среды, загрязнение земель, порча земель.

Постановка проблемы. В науке уголовного права Украины вопрос родового объекта, на который посягает преступление, предусмотренное ст. 239 Уголовного кодекса (далее – УК) Украины, является дискуссионным. Наиболее сложным в дискуссионном плане в теории уголовного права является вопрос об определении родового объекта преступлений против окружающей среды, как и объекта преступления в целом [1, с. 45]. Эта дискуссия является частью общей проблемы определения родового объекта преступлений против окружающей среды. В то же время вопрос о родовом объекте преступлений против окружающей среды имеет важное значение как для квалификации таких преступлений, отграничения их от смежных преступлений и других правонарушений, так и для решения некоторых вопросов усовершенствования законодательства, среди которых, в частности, – уточнение названия и содержания раздела VIII Особенной части УК Украины «Преступления против окружающей среды».

Состояние исследования. Вопрос о том, на какой родовый объект посягает преступление, предусмотренное ст. 239 УК Украины, исследовали, в частности, С.Б. Гавриш, А.А. Дудоров, А.В. Криштевич, В.К. Матвейчук, Н.И. Мельник, А.М. Шульга и др. В их исследованиях сформулировано, по крайней мере, четыре определения такого объекта (подробнее они будут рассмотрены ниже). Однако в предыдущих исследованиях эти группы определений родового объекта преступления, предусмотренного ст. 239 УК Украины, не были комплексно исследованы. В.К. Матвейчук, уделив достаточное внимание структуре общественных отношений [22, с. 43–49], недостаточно исследовал понятие «окружающая среда», утверждая, что в последнее время используется никем и ничем не подтвержденное понятие «окружающая среда» (термин, критикуемый автором в оригинале на украинском языке, – «довкілля»), не имеет смысловой нагрузки и порождает еще большие противоречия и неопределенность [22, с. 51]. Определенная терминологическая сложность связана и с тем, что в украинском языке